

Научная статья

УДК 101.1:316

doi: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-48-54

МЕНТАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК МЕТОД ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Марина Александровна Савушкина

Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Россия, kr_m@mail.ru

Аннотация. В цифровом обществе меняется демаркация границ войны и мира как форм бытия. Цифровизация настолько расширяет инструментарий применения асимметричной силы в военно-политических конфликтах, что гибридная война между государствами и культурами в цифровом обществе становится глобальной и непрекращающейся. Автор анализирует ментальный терроризм как современный метод ведения гибридной войны и предлагает конкретизировать его понимание, поскольку в современных отечественных научных исследованиях концепт трактуется довольно расплывчато. На основе рассмотрения теории ментальной медицины и ментальной превентологии академика П. И. Сидорова, в статье концептуализируется понятие «ментальный терроризм» и ставится проблема необходимости гуманизации цифрового прогресса.

Ключевые слова: ментальный терроризм, гибридная война, ментальное оружие, цифровое общество, цифровое бытие, цифровизация

Для цитирования: Савушкина М. А. Ментальный терроризм как метод ведения гибридной войны в цифровом обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 48–54. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-48-54.

Original article

MENTAL TERRORISM AS A METHOD OF WAGING HYBRID WARFARE IN A DIGITAL SOCIETY

Marina A. Savushkina

Mikhailovskaya Military Artillery Academy, Saint-Peterburg, Russia, kr_m@mail.ru

Abstract. In digital society, the demarcation of the boundaries of war and peace as forms of existence is changing. Digitalization so expands the tools for using asymmetric force in military-political conflicts that the hybrid war between states and cultures in a digital society becomes global and incessant. The author analyzes mental terrorism as a modern method of conducting hybrid warfare and proposes to clarify its understanding, since in modern domestic scientific research the concept is interpreted rather vaguely. Based on consideration of the theory of mental medicine and mental preventology by academician P.I. Sidorov, the article conceptualizes the concept of “mental terrorism” and poses the problem of the need to humanize digital progress.

Keywords: mental terrorism, hybrid warfare, mental weapons, digital society, digital being, digitalization

For citation: Savushkina MA. Mental terrorism as a method of conducting hybrid warfare in a digital society // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(7(489):48-54. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-48-54.

Введение

Цифровое бытие и цифровое общество как философские концепты не имеют пока однозначной академической валидации для закрепления в онтологии в качестве полноценных философских категорий. При этом трансформационные процессы, происходящие на глубинных уровнях социальной реальности настолько масштабны,

что фундаментальная социально-философская теория нуждается в поиске инструментария для описания, анализа и решения новых социальных проблем, связанных с актуализацией *цифрового* как *нового всеобщего* в современном социуме.

Цифровизация мира и войны в XXI веке привела к транспарентности в границах мирного и военного бытия современного человека. Диалектическая взаимосвязь этих категорий

особенно очевидна в цифровой оптике: современное цифровое общество, сплочённое вокруг признания цифровых технологий в качестве главного атрибута современного бытия и характеризуемое размыванием национальной, культурной и этнической идентичности формирующих его цифровых индивидов, трансформирует также и восприятие пространственно-временного континуума боевых действий. Если в классической культуре понятие «поле боя» имело вполне конкретное ограничение географическими координатами, то в культуре цифровой пространство сражений и боёв с целью разрешения военно-политических противоречий между государствами расширяется в символическую область интернет-коммуникации.

Все аспекты жизни (и смерти) современного человека преломляются сквозь призму цифрового модуса, имманентного его бытию. В современных гуманитарных исследованиях складывается дискурс о *цифровом обществе*, главной движущей силой становления и развития которого выступают процессы цифровизации. Концептуализируя представления о цифровом обществе как о феномене цифровой культуры, Д. Е. Добринская, в качестве основных его характеристик обозначает процессы сетевизации, датификации, алгоритмизации и платформизации [2; С. 251].

Цифровизация приводит к изменениям в военной сфере цифрового общества. Массовое распространение гаджетов с мобильным Интернетом среди всех слоев населения, опосредованность межличностного общения мессенджерами и социальными сетями, возможность одномоментного участия в конкретном акте интернет-коммуникации бесчисленного множества цифровых индивидов бесконечно расширяют инструментарий гибридной войны.

Сочетание прямого и непрямого политического давления, проведение информационно-психологических операций наряду с военно-силовым воздействием человечество использует на протяжении всей истории своего существования [1; С. 29]. Но именно цифровизация придала гибридной войне качество глобальности. Технологические возможности интернет-платформ, мессенджеров, социальных сетей позволяют втягивать в символическое поле военных конфликтов буквально каждого интернет-пользователя, создавая за пределами фронтов реальных боевых действий затруднения социального характера, препятствующие эффективному управлению армией и взаимодействию с собственным народом,

а также нарушающие функционирование социальных институтов и сфер культуры. Дж. Мэттис и Ф. Хоффман актуализируя в 2000-е гг. концепцию гибридной войны в новых информационных условиях, приходят к выводу о том, что её разрушительный эффект проявляется в возможности использовать различные формы влияния на общество за счёт постоянного обновления арсенала «информационного и психологического» оружия и использования достижений науки в области теории информации, психологии и когнитивистики [8]. Расширение пространственно-временного континуума военного конфликта путём вовлечения новых акторов воздействия и его переход из сферы реального бытия в виртуальное, изменяет темпоритмы войны, делая её «нескончаемой», имплицитно включенной в жизненный мир и повседневность человека в цифровом обществе.

Цифровые технологии позволяют включить ментальный фронт в символическое пространство гибридной войны и сформировать расширенный психологический инструментарий применяемых методов. В цифровой культуре происходит ренессанс научных исследований *ментальности* как концепта. Современный гуманитарный дискурс активно использует понятия «ментальная война», «ментальное оружие», «ментальная гигиена», «ментальная экология», «ментальное здоровье», «ментальная безопасность».

В череде этих дефиниций особую роль в ракурсе современной гибридной войны приобретает понятие «*ментальный терроризм*», эпистемологические границы которого довольно расплывчаты. Цель данного исследования — конкретизировать возможности применения термина «ментальный терроризм» в современной цифровой философии и описать его сущность как инструмента гибридного военно-политического противостояния. Решение этой задачи позволит в дальнейшем выработать адекватные цифровому повороту формы обеспечения ментальной безопасности общества.

Что такое «ментальный терроризм»? К вопросу о концептуализации понятия

Современная гибридная война представляет собой явление, аккумулирующее все достижения цифровой культуры. Сложность феномена отражается даже в его названии. Словосочетание образовано из двух понятий, которые символизируют конфликт двух противоборствующих парадигм: «война» олицетворяет линейность классической картины мира, с представлением

об определённом пространственно-временном континууме и бинарной оппозиции война/мир; а слово «гибридная» отражает постнеклассику, основанную на гипертекстуальности и сочетании различного.

Гибридную войну можно рассматривать как комплексное применение оперативно-стратегических (военных) операций в сочетании с социально-политическим давлением и манипуляциями в социокультурной, психологической, ментальной, спортивной, культурной и повседневной сферах жизни общества с целью перераспределения всех видов ресурсов на территории другого государства, а также изменения системы ценностей и форм поведения его граждан. Цифровое общество в сравнении с обществом традиционным, позволяет максимально активно осуществлять переформатирование символического пространства ментальности поскольку цифровизация, включая человека в единое коммуникативное пространство, разрушает классические доминанты идентификации человеком себя как представителя конкретной этнонациональной группы.

В цифровом пространстве интернета индивид выступает как цифровой индивид. «Социальным капиталом» цифрового общества становятся показатели количества лайков, просмотров и комментариев. Сакральные области национальной культуры девальвируются за счет единой интернет-семиотики в виде эмодзи и мемов, а вербализация заменяется визуализацией. Сфера ценностей цифрового индивида, его культурных стереотипов, психологических установок, убеждений и предпочтений становится очень неустойчивой. Цифровые технологии приводят к диссонансу с ожидаемым положительным эффектом от их внедрения в повседневную жизнь, поскольку трансформируют поведенческую, эмоциональную, психологическую составляющие личности пользователя [10].

Включение символического пространства процесса взаимодействия цифрового индивида с гаджетами, предоставляющими ему доступ во многочисленные сферы «всемирной паутины» в инструментарий гибридной войны, привело к формированию представлений о феномене *ментального терроризма*. Причиной возникновения этого нового способа манипуляций, согласно выводам отечественного психиатра П. И. Сидорова, является то, что «интернет стал нейробионическим инструментом глобального общественного сознания и личного ментального здоровья. Опыт ведения информационных войн в «досетевую» эпоху

радикально трансформировался с учётом новых технологических возможностей» [4; С. 41].

Академик П. И. Сидоров создает оригинальную цельную концепцию ментальной экологии человека в условиях нарастающей информатизации мира. В своих многочисленных научных работах, используя синергетический подход к анализу ментальности (определяемой как способ видения мира человеком, на основе его социализации в конкретной культурной среде), он многоаспектно анализирует влияние информационных технологий и интернета на процессы социогенеза, психогенеза, биогенеза и анимогенеза личности [5; С. 6]. Серия междисциплинарных научных исследований периода 2010–2016 гг., посвященная проблемам ментальной медицины и *ментальной превентологии* — науке о путях формирования и поддержания оптимального уровня ментального здоровья, психогигиене и психопрофилактике на мультидисциплинарной синергетической основе, на наш взгляд, опередила своё время. В настоящий момент, когда цифровизация уже охватила все сферы бытия, проблема поиска способов сохранения ментального здоровья в гибридной войне, осуществляемой в виде когнитивных, ментальных, психологических, информационных и культурных операций, становится особенно актуальной.

П. И. Сидорова можно считать основоположником исследований проблемы ментального терроризма в российской науке. Рассматривая разрушение СССР как итог того, что советское руководство попало в американскую «стратегическую ментальную ловушку» [4; С. 42], академик Сидоров приходит к выводу о том, что распаду страны предшествовал ряд гибридных операций по внедрению в советское общественное сознание *ментальных вирусов* — симулякров, изменяющих ментальность.

С появлением Интернета арсенал гибридного оружия расширяется, и ключевую роль в гибридной войне начинает выполнять «*ментальный терроризм* — взрывное меркантильное манипулирование сознанием или совокупность способов и методов целенаправленного разрушительного воздействия на ментальность человека с целью реализации интересов манипулятора» [4; С. 43]. Результатом ментального терроризма являются дестабилизация общества, разрушение национальной идентичности, разжигание национально-этнических противоречий, усиление жестокости и насилия, рост панических настроений, распространение сект и нетрадиционных

религиозных культов, ухудшение ментального здоровья общества. Это неполное перечисление деструкций общества и культуры, к которым приводит ментальный терроризм. По мнению П. И. Сидорова, ментальная террористическая война порождает ментальные эпидемии социума, бороться с которыми призвана специальная наука — *ментальная медицина* [6; С. 35].

Многоаспектность ментального терроризма как метода воздействия на общественное сознание подчеркивают Э. П. Королёва и А. Л. Чернышова, определяя его как «сознательное или бессознательное разрушающее вербальное или семиотическое воздействие на психику человека с целью трансформации индивидуального начала в коллективную неразумность и бессмыслицу» [3; С. 86]. В результате происходит дезорганизация в системе отношений как на уровне взаимодействия социальных групп, так и в межличностном взаимодействии. Возникает цепная реакция распространения чувств злости, агрессии, беспомощности, злобы и ненависти, что приводит к общей социальной дисфункции на уровне города или поселка.

Контент-анализ русскоязычных научных статей последних пяти лет, посвящённых проблеме сохранения ментального здоровья, показывает, что феномен ментального терроризма довольно редко становится предметом отдельных научных исследований. Это можно объяснить существующей эпистемологической сложностью в его описании. Не умаляя достоинств концепций П. И. Сидорова, Э. П. Королёвой и А. Л. Чернышовой, можно сделать вывод о том, что имеющиеся подходы в понимании сущности феномена ментального терроризма, излишне расширяют концептуальные границы этого явления. Создаётся ощущение, что последствием ментального терроризма можно считать всё что угодно — от кардинального слома политического строя до формирования музыкальной моды в молодёжной субкультуре.

Нам представляется, что для того, чтобы сформулировать современную концепцию ментальной безопасности на уровне государства в условиях тотальной гибридной войны, необходимо конкретизировать понимание того, что именно является ментальным терроризмом в современном цифровом обществе. Действительно, цифровизация делает возможности по манипуляции обществом фактически безграничными. Коммуникация в интернете максимально семиотична и обладает большим потенциалом по воздей-

ствию на ментальность в сравнении с традиционными средствами массовой информации и искусством. Однако глубинные изменения в отношении цифрового индивида к миру, другим людям и самому себе происходят в результате комплексных информационно-психологических операций на протяжении довольно длительного времени. Переформатирование ментальности, изменение системы ценностей, аксиологии, этоса личности и социальной группы — результат скорее многочисленных операций цельной *ментальной войны*, нежели ментального терроризма. Мы предлагаем ограничить понимание ментального терроризма исключительно в качестве одного из методов ведения гибридной войны, включающей в себя ментальную войну как неотъемлемую часть военно-политического противостояния государств в современном цифровом обществе.

Ментальный терроризм в цифровом обществе — специальным образом организованное, непродолжительное по длительности информационно-психологическое воздействие в виде распространения фейка, мема, вирусного сообщения в вербальной, визуальной, аудио- или видео- форме в интернете, мессенджерах, социальных сетях, вызывающее негативную эмоциональную и психологическую реакцию большого числа пользователей и провоцирующее вспышку деструктивного социального поведения.

В гибридной войне акты ментального терроризма в комплексе с другими видами гибридного оружия приводят к развитию антипатриотических убеждений в отношении собственной страны, формированию негативного восприятия собственной культуры, трансляции коллективной вины, унижительному пиетету перед носителями языка противника и переформатированию идентичности. Предложенная авторская трактовка ментального терроризма как метода ведения гибридной войны конкретизирует активность, осуществляемую в его рамках, что позволит в дальнейшем разработать комплекс профилактических мер работы с интернет-аудиторией.

Опасность ментального терроризма — в суммарном эффекте разовых акций. Многочисленные ментально-террористические атаки в форме конкретных сообщений дестабилизируют общество, разрушают ощущение сплоченности и единства граждан страны. Проиллюстрировать предложенное определение ментального терроризма можно следующими примерами. Вирусное распространение фейка в виде небольшого видеointервью с якобы возмущенными «родителями»

учеников старших классов о том, что произведения А.С. Пушкина уберут из школьной программы — это акт ментального терроризма, который непродолжителен по воздействию (легко опровержим) и нацелен на формирование массовой эмоции возмущения и чувства растерянности. Многоаспектная же фальсификация отечественной истории специалистами, имеющими профессиональное образование, посредством публикации в интернете псевдонаучных статей и выступлений на интернет-платформах — специальным образом организованная операция ментальной войны, характеризующаяся длительностью воздействия и нацеленная на отложенный результат в виде искажённого восприятия прошлого на уровне многочисленной социальной группы интернет-пользователей, проявляющих интерес к истории.

Ментальный терроризм в цифровом формате, по большей части, анонимен — создатели ментальных вирусов не нацелены на собственную публичность, и, как следствие, его акторы не получают правовое наказание. Долгосрочные же ментальные операции в интернете реализуются зачастую вполне конкретными субъектами: персонажами-символами (актёрами, учёными, журналистами, артистами, спортсменами, блогерами), олицетворяющими определённую, продвигаемую в массы парадигму. Современное ментальное оружие имеет настолько сложную природу, что чётко и однозначно маркировать все его виды невозможно.

Если в российских междисциплинарных исследованиях термин «ментальный терроризм» трактуется пусть с некоторыми оттенками в его понимании, но в целом как форма давления и манипуляции в символических пластах культуры, то западная гуманитарная наука придерживается традиции соотносить понятие «ментальность» с исторической школой анналов. При этом гибридные угрозы и формы ментальной агрессии исследуются, но в их академическом описании прослеживается конкретизированная атрибуция — используются понятия «*психологическое оружие*» и «*кибертерроризм*». К примеру, коллектив авторов научного исследования, посвящённого проблеме кибертерроризма, рассматривает в том числе аспект ментального терроризма, но не использует при этом отдельное наименование и анализирует ментальные последствия в общем ключе кибертеррористического акта [9]. При этом интернет рассматривается как символический фронт, позволяющий вовлекать в реаль-

ный военный конфликт бесконечное количество участников. В результате становится возможна *вседоменная война*, в которой все ранее не связанные друг с другом *домены* — земля, море, воздух, космос и киберпространство — становятся взаимосвязаны и взаимозависимы.

Франкоязычный сегмент интернета применяет понятие «ментальный терроризм» в обыденном дискурсе [7]; в научных же исследованиях и политической публицистике по отношению к манипуляциям общественным сознанием, ценностями культуры и психологическим здоровьем социальных групп чаще применяется дефиниция «*интеллектуальный терроризм*» [11].

Несмотря на то, что ментальный терроризм в академическом дискурсе имеет множество имен и трактовок, проблема влияния цифровизации на психику, повседневные практики современного человека, области семиотики и символизации, экзистенциалы культуры становится всё более острой на фоне ежедневных технических достижений в области интенсивного развития цифровых устройств и искусственного интеллекта. Современный человек как представитель цифрового общества проживает свою жизнь находясь под постоянным информационно-ментальным давлением, осознанно и неосознанно участвуя в гибридной войне государств, парадигм и идеологий.

Цифровизация сделала гибридную войну константой современного бытия. Ментальный терроризм как метод ведения гибридной войны — опасен, поэтому бороться с ментально-террористическими атаками мировое цифровое общество сможет лишь при условии обретения военно-политической стабильности в международных отношениях и путем гуманизации цифровой культуры.

Заключение

Цифровой прогресс трансформировал повседневную жизнь современного человека, формы его включённости в коммуникацию и способы реализации политических, экономических, психологических потребностей. Цифровое бытие изменило восприятие человеком времени и пространства, перформативировав традиционные социокультурные ценности и экзистенциалы. Война и мир в цифровом обществе обрели транспарентный характер: несмотря на то, что военные действия по-прежнему ведутся с использованием военной силы, военно-политическое противостояние

расширяется во множество фронтов за пределами линии боевого соприкосновения. Интернет позволяет в прямом эфире наблюдать за происходящим на поле боя, вовлекая в непосредственно военные бои огромное число наблюдателей, которые становятся участниками событий за счёт испытываемых эмоций и создаваемых сообщений.

Цифровизация привела к тому, что бытие современного человека превращается в *бытие в гибридной войне*, задействовав все традицион-

ные социальные институты. В символическом пространстве, порождаемом цифровыми устройствами, при помощи всех видов ментального оружия происходит постоянная борьба за ментальность цифровых индивидов. Предпринятая в статье попытка концептуализировать понятие «ментальный терроризм» и очертить его эпистемологические границы позволит в дальнейшем развивать цифровую философию с целью гуманизации цифрового общества.

Список источников

1. Бартош А. А. Мировая гибридная война. М.: Горячая линия-Телеком. 2023, 544 с.
2. Добринская Д. Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 250–259.
3. Королёва Э. П., Чернышова А. Л. Ментальный терроризм как источник социальной напряжённости в монопрофильных населённых пунктах // Дискуссия. 2015. № 9 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-terrorizm-kak-istochnik-sotsialnoy-napryazhennosti-v-monoprofilnyh-naselennyh-punktah> (дата обращения: 22.04.2024).
4. Сидоров П. И. Ментальный терроризм гибридных войн и синергетика асимметричной обороны // Экология человека. 2014. № 11. С. 38–54.
5. Сидоров П. И. Ментальные эпидемии: виртуальные тени от исторических иллюзий, или когнитивная вирусология общественного сознания // Историческая социология и социология истории. 2016. № 1. С. 5–24.
6. Сидоров П. И. От ментальной экологии к ментальной медицине // Экология человека. 2013. № 1. С. 33–38.
7. Baudrillard P., L'esprit du terrorisme URL: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2007/03/06/l-esprit-du-terrorisme-par-jean-baudrillard_879920_3382.html (дата обращения: 12.04.2024).
8. James N. Mattis; Frank Hoffman Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (дата обращения: 30.04.2024).
9. Leventopoulos, S., Pipyros, K. & Gritzalis, D. Retaliating against cyber-attacks: a decision-taking framework for policy-makers and enforcers of international and cybersecurity law. *Int. Cybersecur. Law Rev.* 5, 237–262 (2024). URL: <https://doi.org/10.1365/s43439-024-00113-5> (дата обращения: 12.04.2024).
10. Pappas, I. O., Mikalef, P., Dwivedi, Y.K. et al. Responsible Digital Transformation for a Sustainable Society. *Inf Syst Front* 25, 945–953 (2023). URL: <https://doi.org/10.1007/s10796-023-10406-5> (дата обращения: 15.04.2024).
11. Sévillia J, Le terrorisme intellectuel. Place des éditeurs. 2017, 262 p.

References

1. Bartosh AA. Mirovaja gibridnaja vojna. = World hybrid warfare. M.: Gorjachaja linija-Telekom; 2023, 544 p. (In Russ.).
2. Dobrinskaya DE. Digital sociology for exploring digital society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology.* 2021;(2):250-259. (In Russ.).
3. Koroleva EP., Chernyshova AL. Mental terrorism as a source of social tension in single-industry settlements. *Diskussija = Discussion.* 2015; 9(61). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-terrorizm-kak-istochnik-sotsialnoy-napryazhennosti-v-monoprofilnyh-naselennyh-punktah>. (accessed 22.04.2024). (In Russ.).
4. Sidorov PI. Mental terrorism of hybrid wars and synergetic of asymmetric defense. *Jekologija cheloveka = Human ecology.* 2014;(11):38-54. (In Russ.).
5. Sidorov PI. Mental epidemics: virtual shadows from historical illusions, or cognitive virology of public consciousness. *Istoricheskaja sociologija i sociologija istorii = Historical sociology and sociology of history.* 2016;(1):5-24. (In Russ.).

6. Sidorov PI. From mental ecology to mental medicine. *Jekologija cheloveka = Human ecology*. 2013;(1):33-38. (In Russ.).
7. Baudrillard P, L'esprit du terrorisme. Available from: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2007/03/06/l-esprit-du-terrorisme-par-jean-baudrillard_879920_3382.html. (accessed 12.04.2024).
8. James N. Mattis; Frank Hoffman Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. Available from: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>. (accessed 30.04.2024).
9. Leventopoulos, S., Pipyros, K. & Gritzalis, D. Retaliating against cyber-attacks: a decision-taking framework for policy-makers and enforcers of international and cybersecurity law. *Int. Cybersecur. Law Rev.* 2024;(5):237-262. Available from: <https://doi.org/10.1365/s43439-024-00113-5>. (accessed 12.04.2024).
10. Pappas IO, Mikalef P, Dwivedi YK et al. Responsible Digital Transformation for a Sustainable Society. *Inf Syst Front.* 2023;(25):945-953. Available from: <https://doi.org/10.1007/s10796-023-10406-5>. (accessed 15.04.2024).
11. Sévillia J, Le terrorisme intellectuel. Place des éditeurs; 2017, 262 p.

Информация об авторе

М. А. Савушкина — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Information about the author

M. A. Savushkina — Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 20.08.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.